

Э.-М. ВОГЮЭ

<О русском докторе Владимире Соловьеве>

Во Франции имя Вл. С. лишь в отдельных личностях расшевелит некоторое воспоминание. Судьба как будто посмеялась над этим человеком: философ, своим пристрастием к Западу возбудивший целую бурю негодования у себя на родине, в славянофильском лагере, — на Западе почти неизвестен. А между тем это был необыкновенный человек, одан из самобытнейших русских натур, какие только появлялись в последние 25 лет на русском горизонте. Это была сила: он будил мысль, он неотразимо действовал на умы не столько своими сочинениями, доступными пониманию лишь меньшинства, сколько своей обаятельной личностью, своим красноречием. Читая лекции в университете, он наэлекризывал молодежь, которая встречала и провожала его рукоплесканиями. У этого Doctor'a mirabilis¹ были поклонники, доходившие до фанатизма, и он испытал минуты полного торжества. Он был философ, и богослов, и поэт, но, на мой взгляд, эти определения недостаточны для его характеристики: к нему более применимо название «доктор» в том значении этого слова, какое оно имело в средние века, когда им награждали великих схоластиков. <...> В первый раз я встретился с ним в Каире, в 1876 г., в доме Лессепа². У гостеприимного хозяина было так заведено, что, когда он вечером возвращался домой, за ним тянулся целый караван, состоящий из турок, левантийцев, исследователей чудесных стран и т. д., с жадностью набрасывавшихся на его роскошный стол. Все оказывались приятелями Лессепа, обладавшего необыкновенной способностью приобретать себе друзей, на какой бы точке земного шара он ни находился. На этот раз ему удалось выудить где-то в Эзбекиях молодого русского, с которым он нас и познакомил. Достаточно было раз взглянуть на это лицо, чтобы оно навсегда запечатлелось в вашей памяти: бледное, худощавое, полузакрытое массой длинных вьющихся волос,

с прекрасными правильными очертаниями, все оно уходило в большие, дивные, пронизательные, мистические глаза, как бы олицетворяя собой мысль, едва прикрытую земной оболочкой. Такими лицами вдохновлялись древние монахи-иконописцы, когда пытались изобразить на иконах Христа славянского народа — любящего, вдумывающегося, скорбящего Христа. Несмотря на зной египетского лета, на Владимире Сергеевиче был длинный черный плащ и высокая шляпа. Он чистосердечно рассказал нам, что в этом самом одеянии он ходил один в Суэцкую пустыню, к бедуинам; он хотел разыскать там какое-то племя, в котором, как он слышал, хранились кое-какие тайны религиозно-мистического учения — Каббала и масонские предания, будто бы перешедшие к этому племени по прямой линии от Соломона. Само собою разумеется, что ничего этого он не нашел, и в конце концов бедуины украли у него часы и испортили ему шляпу <...>

